

История Грода

В. Горячкин

У подножия Большого Хингана

Книга первая

Прапрадеды и деды

16+

Всеволод Горячкин У подножия Большого Хингана. Прапрадеды и деды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36969140

SelfPub; 2019

Аннотация

Автору книги пришлось стать участником одной из первых волн эмиграции: попав в Китай ребенком, он на собственном опыте ощутил все особенности жизни дореволюционного Китая. Через поколения его дневниковые записи попали в руки внучки – Виктории Кастюниной (Калистой). Она и решила сделать их доступными широкому кругу читателей. Данная книга – это первая часть дневниковых записей автора, описывающих события с середины 20-х до начала 50-х годов XX века.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Предисловие

О том, что моя мама родилась в Китае, я узнала случайно, лишь где-то в пятнадцать лет. В восьмидесятые годы о таких вещах не принято было говорить, родственные связи с «зарубежными родственниками» не поощрялись, да и само рождение «за границей» было чем-то странным. При этом я всегда знала, что мой дед прекрасно говорит и пишет на китайском и японском языках. У него был небольшого размера толстенький словарик на китайском и иногда он объяснял нам, внукам, те или иные иероглифы; переводил, что говорят радиоведущие на случайно пойманной приёмником китайской радиостанции; показывал, как играть в кости и китайские шахматы сянци. Откуда он всё это знал и почему ничего не рассказывал? В детстве об этом не задумываешься, ведь впереди вся жизнь и кажется, что все еще сможешь успеть.

Уже после смерти деда бабушка отдала мне дневники, что он вел. Они рассказывали о его жизни, впечатлениях, первой любви, о возвращении на родину в СССР, о моём рождении. Одним из его друзей был Георгий Георгиевич Пермяков (личный переводчик последнего китайского императора династии Цин Пу И), с которым он познакомился еще в Китае. Он был знаком с дневниками деда и даже предлагал ему помочь с публикацией, но смерть деда, а потом и развал СССР, не позволили сразу это сделать.

Сейчас, вновь и уже осознанно перечитывая дневники де-

да, невольно сравниваешь свои и его взгляды на тот период. Понимаешь, насколько сильно поменялся мир, мировоззрение людей, произошла переоценка каких-то ценностей. По-новому понимаешь причины поведения деда и бабы, их жизнь с оглядкой.

Дневники рассказывают о детских воспоминаниях деда, его юности и зрелости. Данная книга – это первый дневник из четырех, доставшихся мне от деда. Вполне возможно, что еще живы те, кто волей судьбы, оказался в 20-60-х годах XX века в Китае и переживал похожие события. Данная книга позволит им освежить воспоминания. Ну а остальным читателям даст возможность узнать немного о жизни вынужденно оторванных от родины русских казаков, живших в Китае.

О том же, насколько изменились взгляды на жизнь в тот период – судить вам, дорогие читатели.

Приятного чтения!

Начал писать 20 декабря 1975 г.

Посвящаю детям и внукам,

о прошлой жизни их отца и матери и деда с бабой

Прапрадеды и деды

По всем историческим данным и из рассказов стариков, а также первых поселенцев село Кедрово Вяземского района заселялось где-то в середине XIX столетия, точнее в 60-70-

х годах.

Расположено оно к югу от Хабаровска, по Транссибирской железной дороге и автомагистрали Хабаровск-Владивосток. Если ехать поездом, то нужно сойти на станции Котиково и где-то десять километров автобусом ехать до Кедрово.

Город Вяземск считался раньше уездом и получил свое название в честь русского инженера Вяземского – руководителя по сооружению Уссурийской железной дороги.

До заселения русскими эти земли были ничейные.

И вот забайкальские казаки первыми основали здесь опорные поселения – станции. К их числу относились Венюково, Кедрово, Булдаково (ныне Забайкальское), Кукелево, Лончаково и другие.

По первому заселению село Кедрово оказалось на затопляемой пойме и пришлось переселиться ниже по Уссури километров на семь, на самом берегу реки.

Вот в те годы и поселилась там семья Горячкиных, пришедшая из Забайкалья. Первым из Горячкиных был дед Иван, его брат Павел...

Это были физически сильные, выносливые, ко всему привыкшие, видевшие всякие невзгоды люди, и, по-видимому, не от хорошей жизни рискнули они проделать в те времена свой нелегкий путь, начиная с берегов Шилки, и пройдя до верховий реки Уссури.

До устья Уссури сплавливались паромами из леса или большими лодками (халками). По р. Уссури нужно было идти

против течения.

Халки цепляли верёвкой за нос лодки или мачтовницы, и несколько мужиков, а иногда и баб-казачек засучив гачи штанов или заткнув длинные юбки за пояс, тянули суда, гружённые скарбом и запасами продуктов, а иногда малыми детьми, стариками или больными. Словом, теми – кто не мог передвигаться самостоятельно.

Берега были измыты тальником, забиты наносником. Иногда на пути появлялась протока – широкая и глубокая, часто приходилось переплываться с левого берега на правый или наоборот, в зависимости от того, по которому удобнее тянуть бечеву или где удобнее основать табор для ночёвки, а может, и подневать, половить рыбы, убить дикого мяса: козу, кабана, чего здесь в те времена было в изобилии. То там, то здесь пролетали стаи уток, гусей или фазанов. Питаться было чем, одно плохо, что не было оружия. У деда была старая берданка. У некоторых «набивнушки» – дробовые ружья и даже была «кремнёвка». Добывали дичь кто как мог. Рыбу поймать не составляло трудностей, ловить можно было даже руками. Рыба была всякая, попадалась даже такая, которую не знали как называется. Потому, как в реках Забайкалья такая не водилась.

По дороге попадались орочены, гольды – местные жители, обитавшие здесь. Они жили в балаганах, искусно покрытых соломой или пыреем в рост человека. В верхней части отверстия в виде люка – для дыма, посередине поддерживал-

ся очаг, а кругом костра находились охотники с их семьями. Одежда состояла целиком из шкур диких животных и из кожи кеты (красной рыбы). Нитками служили сухожилия и жилы, специально обработанные и свитые в нити, очень крепкие и тонкие. Женщины-ороченки очень искусно шили и вышивали одежду и обувь (олочи)¹ и т.д. Работа мелкая, с разными рисунками и орнаментом, придуманным самими вышивальщицами.

Оружия у местных жителей было мало, в основном, луки и стрелы с каменными и бронзовыми наконечниками. Копья на длинном шесте с поперечиной у острия, с копьём ходили на медведя и кабана, у немногих были кремнёвки и берданки.

Попадались и юрты, покрытые шкурами. Словом, первобытный образ жизни. Командовал семьёй или родом один из старейшин. Помогал ему кто-нибудь из самых достойных смелых охотников, умеющий ходить на медведя один на один и, конечно, меткий стрелок, который мог попасть с первой пули в глаз белке.

Встречались шаманы, которые держали власть и своей верой убеждали, что от их силы зависит судьба охотника. Они брали дань, якобы за спасение от болезни, для хорошей охоты – удачной или за то, что отгоняли злых духов, от несчастий и бедствий. Конечно, шаманы жили гораздо зажиточ-

¹ Олочи – разновидность обуви с кожаной основой и голенищами из грубой ткани, используемая охотниками Дальнего Востока.

нее, чем рядовые охотники.

По левому берегу Уссури, очень редко, но попадали фанзы, землянки, балаганы китайцев – рыбаков, промысловиков пушнины, птицы и т.д.

Они же сеяли мак и изготавливали опиум, курили сами, а также меняли ороченам и гольдам на мясо и пушнину, ну и конечно поставляли в глубь своей страны, т.к. в Китае сильно процветало опиумокурение.

Опиумщика китайца или орочена легко определить по внешнему виду: это страшно желтые, опухшие лица, веселые после курения и тусклые, когда нет долго курева. И если он не мог достать, то мог быть смертельный исход. Такие закоренелые опиумщики долго не жили, максимум 30-40 лет.

Судоходства в те времена не было вообще, попадались только лодки, юли-юли – китайцев, да оморочки – орочен.

Край был дикий, необжитый, с множеством зверья: тигра, медведя, кабана, косули, а также всякой птицы.

Комар и мошка, слепень и паут не давали покоя ни днем, ни ночью. Это был кошмар, спастись можно было только обильным дымом, из веревок сплетенных из полыни, высушенных на солнце, кольцо веревки – полыни одевалось на голову, торчал конец, который поджигался и от него исходил едкий дым, чего боялся комар и весь гнус, даже клопы.

Границы по реке не охранялись и кочевникам-переселенцам нечего особенно было опасаться, разве что китайских хунхузов, которые кое-когда нападали, грабили и уходили,

но при переселении таких случаев не наблюдалось.

Сколько дней или недель шли первопроходцы, точно никто не помнит, но в день уходили не более 20-30 верст (верста – около 1000 м), переход не из легких.

Все казалось дико, но люди шли, шли и шли, неведомо куда и что их ждало впереди, путём никто не знал, но по всему увиденному, можно было определить, что край богатый и надежда на жизнь не терялась в сердцах людей. Шли каждый со своими мыслями, кто искал хорошей жизни, кто уходил от царского произвола, кто с целью наживы и выгодной торговли, кого и постигали неудачи, болезнь, смерть, несчастные случаи и т.д.

Шли семьями, сообща шли посёлочники, земляки, и случайные люди, подружившие дорогой и впоследствии ставшие родными, дожившие до наших времен. С семьей Горячкиных шли Толстоноговы, Корневы, Ташлыковы, Патрины, Щебенковы...

Казачи держались со своими станичниками, люди из других концов держались с земляками из своих родных, покинутых мест. Были из Сибири, Урала и с европейской части России. Но всех интересовало одно – дальневосточный край – край дикий и необжитый, таежный и богатый промыслом.

По прибытии, облюбовали одно место, построились, но вода при половодье топила деревню, поэтому пришлось переехать на другое место, о котором знали ранее, место высокое и большой воде не подвергалось.

Первое время жили кто в чем, в балаганах, искусно покрытых пыреем, кто жил в землянках или бараках, наскоро построенных из леса.

После люди обжились, завели себе добротные дома из кедра, осины, даже дубовые, которые стоят до сих пор.

Горячкины тоже построили добротный дом, обзавелись скотиной, лошадьми и птицей, раскорчевали большой огород, насадили диких груш, черемухи, смородины. После к диким деревьям прививали садовые деревья. Хорошо плодоносила слива, ранетки, яблони, в огородах родилось всё, но трудно было достать семян и хороших плодовых кустов и деревьев.

Под посев ярицы, пшеницы, овса, гречихи земли корчевали. Это была самая сложная работа – тяжелая, с десятины земли приходилось выкорчёвывать до ста и более деревьев с корнем, не считая кустарника. Всё это делалось вручную, после вытаскивали всё на межу, сжигали, готовили дрова или просто оставляли целые завалы. Земля родила неплохо и поэтому народ скоро зажил. Податей и налогов казачьи поселения не платили, работал каждый за себя и поэтому народ зажил неплохо. Зимой уходили на промысел, подлёдный лов, ловили кулёмками² хорька, добывали соболя, белку. В общем, всякого зверя, который водится в дальневосточной тайге.

² Кулёмка – ловушка давящего типа, применяемая в Сибири и на Дальнем Востоке на звериных промыслах.

Словом, кто хотел жить, не ленился, не ждал с моря погоды, все жили хорошо. Зиму отдыхали большей частью в праздники, а праздники длились по неделе: Новый год, Рождество Христово, Масленица, Пасха и т.д. Катались на конях – в санях и верхом. Пацаны обучали молодых жеребят. Собирали вечеринки, посиделки, тёрли картофель на крахмал, пряли, вязали, шили. Мужики собирались «майданничать», т.е. играть в карты или просто устраивали попойки, особенно когда уходили через Уссури к китайцам в харчёвки пить ханьчону или спирт. После бабы разыскивали и гнали домой отдохнуть или взяться за дело: возить дрова, сено.

У деда Василия Горячкина семья состояла из десяти человек, старшая была тётя Луша, за ней отец Федот, потом Миша, Наталья, Анастасия. Константин (его убила лошадь, лягнула в живот на пасеке, и он две версты шёл держа в руках кишки, а дойдя до дома умер). За Костей – Анна, Александр и последний – Леонид, да двое вроде умерли детьми.

Семья большая, поэтому работа находилась всем, прокормить такую семью стоило большого труда, но однако, дед Василий с бабушкой Феодосией сумели вырастили всех детей. Образование в то время дать было неоткуда, но все кончали церковно-приходскую школу и писать, читать умели, притом неплохо.

Наш отец, Федот Васильевич также закончил 4 класса приходской школы, часто писарил при посёлке: писал неграмотным прошения, заявления, письма и разную другую пи-

санину, писал он неплохо и грамотно.

У деда Василия Ивановича Горячкина были братья и сёстры – Пелагея Ивановна замужем за Рачковским Николаем Николаевичем, впоследствии он был последним управляющим АОПТ – Амурского общества пароходства и торговли – этот речной флот ходил от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре. Благовещенск, где жили Рачковские, завёл торговлю с Китаем. Позже Рачковские перебрались всей семьёй в город Харбин, где жили на улице Набережной, дом 6, рядом протекала река Сунгари. Недалеко находился Сунгаринский мост, который построили в 1903-1905 годах, далее дорога шла на станцию Маньчжурию, что находилась на границе России в десяти километрах от станции Отпор Забайкальской железной дороги.

Вторая сестра Аграфена Ивановна похоронена на Харбинском кладбище...

Потом брат – Пармен Иванович Горячкин 1880 года рождения, 9 августа, участник войны с Австрией, войны в Порт-Артуре, боксёрского восстания, Первой мировой войны, революции. Не участвовал только в Отечественной войне 1941 года, тогда ему уже исполнился 61 год. Всю свою долгую жизнь он прожил с нами – с нашим отцом. В армии отслужил 25 лет, выслужился до вахмистра, как женился – с женой жил мало, потом они потерялись и примерно с японской войны не виделись. Узнал он её место жительства через знакомых в 1954 году, но встретится им так и не удалось – она умерла за

год или два раньше, чем пришлось узнать о ней. Так и прожил он один до 1966 года, на 85 году жизни умер от склероза сердца, да ещё и сломал тазовую кость, упав с кровати. Похоронили его в Хабаровске, на городском кладбище.

Был он бравый, стройный дед – джигит в молодые времена. Участвовал в казачьих джигитовках, получал призы, умел столярничать, шить сапоги и другую обувь, строить дома, в общем от скуки на все руки, был мастером, лечил также животных и людей травами. Сильно верил в бога, читал когда-то книги Библию и по чёрной магии. Лечил людей и животных заговором, справлялся с такими болезнями как экзема, мокрец у животных, припадки сердца и многое другое. За лечение и помощь, которую он оказывал людям, никогда ничего не брал, и жил бедно. А если чем угощали, то не отказывался.

Человек был хороший, но и строгий. Не любил матерщинников и пьяниц. Сам не пил и не матерился, вёл одинокую жизнь. Были возможности, находились хорошие женщины, но он не женился, надеялся все встретиться с женой, так и прошла его одинокая, но честная и справедливая жизнь. Нас заставлял перенять от него заговоры, названия трав, какими лечат, но мы не очень интересовались, а вообще надо было интересоваться.

Вообще дед Пармен был человеком, которых редко встречаешь: до предела честен, набожный, с длительной службой в армии в нём сохранилась крепкая с распорядком на каж-

дый день дисциплина. Вставал в два-три часа утра, молился подолгу, потом пил чай и принимался за какую-нибудь работу, а когда на улице становилось светло – выходил работать. После работы немного отдыхал, писал какой-то дневник. Спать ложился поздно, к пище был непривередлив, ел что Бог послал. Это его слова. Соблюдал все посты и знал церковные праздники, строго соблюдая их, в праздничные дни и воскресенье он не работал. Грамоте не учился, но писал ровным почерком, по старинке через «ять». Знал славянское чтение, читал много книг на славянском языке. Часто говорил о будущей жизни на земле, кое-что уже подтвердилось по его словам, в основном, всё верно.

За все войны он был награжден Георгиевскими крестами – был полным кавалером и были еще медали св. Иоанна и Суворова А.В. Кроме того – именная икона. Перед революцией всё это он схоронил у себя в саду, под черёмухой, а после боксёрского восстания, проходившего в Китае, остался там, не поехал домой, боясь, что будут преследовать как солдата Белой армии, и до 1955 года жил в Китае.

В 1955 г. выехал в СССР, надеясь встретиться со своей женой, она проживала здесь на родной земле, но не застал её живой и на 85 году жизни скончался. Хоронили его из моей квартиры, жили мы тогда в Хабаровске, по улице Краснореченской, 125, кв.12. Похоронили его на городском кладбище, где после похоронили отца и мать. Я сварил тогда им металлическую оградку с памятниками, там же и были по-

хоронен дед Василий Толстоногов, дед двоюродных братьев Володьки, Бориса и Паши.

Сам наш родной дед Василий Иванович, после коллективизации был сослан в низовья Амура в районе Богородска, озеро Удыль. Резиденция – это золотые прииски и лесозаготовки. Жил он там с братом отца Леонидом и тёткой Талей Феликсовской, она умерла от родов. Дядька Лёня жил в Хабаровске, он пошёл на пенсию в 55 лет, как машинист – проработав на железной дороге тридцать лет. Дед Василий умер в 1944 году, там же на приисках озера Удыль. Там же окончила свою жизнь и бабушка Феодосия...

Так окончилась жизнь дедов первых переселенцев на Дальнем Востоке.

Революция в селах Приуссурия окончательно завершилась в 1922-1923 гг, стали организовываться колхозы и рыболовецкие артели. Казакам не очень хотелось идти в такие хозяйства, они всячески тянули время. Некоторые жили частным хозяйством. Началась коллективизация, стали насильно сгонять в колхозы, разделились на три группы зажиточных или кулаков, потом середняки и бедняк. Горячкиных приравнивали к середнякам, стали сгонять в хозяйство лошадей, коров, тележный скарб. У кого были молотилки, веялки, жатки-сноповязалки и лобогрейки – всё это передавали в колхоз. Шла разруха, работать никто не хотел. А бедняки, их было немного в казачьих поселениях, они не справлялись с хозяйством. Тех, кто был из кулаков стали ссылать в ссыл-

ку в районы Сибири, Нижнего Амура. Началось бегство за границу, в Китай, но большинство осталось работать в колхозах. К тридцатым годам хозяйства стали немного восстанавливаться, но жить было всё равно трудно, сказались времена ежовщины, вредительство, аресты, неразбериха. За кулаками стали уходить середняки и бедные, которым не нравилась новая власть и законы.

В этот же период проходила иностранная интервенция: Дальний Восток заплонили японцы, американцы, англичане и другая свора. Посёлки грабили хунхузы, уводили лошадей, коров, тащили шмутьё и запасы продуктов. Белые, отступая, тоже обирали посёлки. Красные занимали – им тоже нужны были хлеб, одежда, обувь, но разница была в том, что красные не отнимали насильно, они или упрашивали помочь революции, или платили деньгами. Поэтому, население стало доверять больше Советской власти, и колхозы стали понемногу восстанавливаться. Отца нашего тоже забрали в ополченцы, в кадровой армии он ни в какой не служил. Когда забрали в ополченцы, то его направили в Хабаровск для поддержания Красной армии, но в этот период японцы заняли Хабаровск.

Оружия у наших не было – одна берданка или старая трёхлинейка на десять ополченцев, другие должны были доставать в боях. Отец тоже был без оружия и попал в плен к японцам. Начались допросы, расстрелы, те, кто ещё не подвергался допросам, хоронили убитых и расстрелянных, в част-

ности на медгородке в Хабаровске расстреливали ночью, а днём пленных заставляли рыть могилы и сбрасывать трупы. Было страшно и жалко братьев по оружию с которыми днём сидели в камере, а на следующее утро их уже не досчитывались. Каждый ждал своего предсмертного часа. Японцы свирепствовали во всю азиатскую резвость, пытали, били, совали иглы под ногти пальцев, лили горячую воду в нос, применяли другие страшные пытки. Отца и многих других заставляли уносить мертвых и хоронить в оврагах. Сидели молодые и старики, женщины и дети-подростки.

Но отцу повезло: не успели японцы расправиться с пленными, пришла Красная армия. Японцы отступили из Хабаровска, а всех пленных освободили, но не надолго, начались вызовы и аресты, здесь уже занималось ГПУ. Опять допросы и допросы, некоторых освобождали, а некоторые терялись в неизвестности. Отца тоже освободили, за ним приехал его отец Василий Иванович и они возвратились в родное село Кедрово.

Вернувшись домой, мужики не знали с чего начать, понемногу работали, ловили рыбу. Но обстановка была неспокойная, ходили слухи, что будет чистка и всех сомнительных будут забирать и ссылат в концлагеря, а их семьи направлять в ссылку.

Хорошего ожидать было нечего, кое-кого уже арестовали и отправили, а куда неизвестно. Мужики волновались, вскоре забрали деда Василия и других односельчан. Вскоре до-

шла очередь и до нашего отца Федота, но кто-то сообщил, что придут чекисты и отец куда-то удалился, об этом не знала даже мать. Несколько раз по ночам приходили за отцом, но он исчез в неизвестном направлении. Кое-кто догадывался, куда он ушёл, но доказать было нечем. Мать по вечерам сильно переживала, плакала, не знала, что ей предстоит, куда деваться с нами, а нас было четверо: сестра Тоня, за ней Федя, потом я – Севка и Толик. Тоня тогда уже училась в школе, пошёл и Федя, но внезапно нас собрали и объявили, что ссылают нас на новые места, забрали у нас единственную лошадь и корову, переписали имущество. А так как у матери семья, то выделили худую – маленькую лошаде́нку, чтобы можно было везти на ней вещи и детей, но мать отказалась от всего. Нас отправили на барже и повезли вверх по Бикину в какой-то леспромхоз, впоследствии я узнал, что это был Красный Яр.

В тайге Бикина мы побыли недолго, осенью нас увезли до железной дороги и со станции Бикин отправили в Амурскую область. Доехали до станции Ушумун, затем до реки Зеи нас везли на лошадях, а потом погрузили в баржу и катер потащил нас вверх по Зее. Мать по дороге где-то отстала от нас, несколько дней нас везли без неё. Мы стали волноваться и плакать, нас успокаивали и сказали, что так как сейчас не хватило на всех мест, то мать приедет позже. Через несколько дней нас привезли в село Сиваки, тут нас догнала мать, радости не было конца. Мать тоже наплакалась, думала, что

больше не увидит нас, так бывало со многими семьями. С Сиваков нас «кукушка» – маленький диковинный паровозик увёз в село Красное, здесь основался леспромхоз. Строили бараки длинные, здоровые, внутри нары из накатника, сделанные по всему бараку буквой «П».

В бараках размещали по сто семей, выделив площадь исходя из количества членов в семье. Нары застилали соломой, внутри топились бочки-печки, дрова были рядом, потому, что окружала кругом тайга. Сопки, лес густой, весь хвойный: ель, пихта, сосна и разное чернолесье.

Мы поселились в углу барака. Народу было много, в основном – женщины и дети, мужиков было раз, два и нет. Была большая семья Косяковых, их было 12 человек и все парни. Было и наших односельчан несколько семей из других деревень, народ отовсюду.

С нами рядом поселилась одинокая женщина, немного сумасшедшая, ничего не говорила, кроме того как «Инна-инаина». По внешнему виду она была из культурной семьи, неплохо одета, рассказывали, что её отец имел какой-то чин, чуть ли не генерал, так его с женой расстреляли у неё на глазах, поэтому она получила тихое помешательство и отнялся язык. Мы, ребяташки, все её боялись. Которые постарше – дразнили её, а она за ними гонялась и поймав, могла укунуть или ударить чем попало.

Женщин распределили на работы, кого на повалку и трелевку леса, а других на постройку бараков и утепление. Кто-

то занимался заготовкой дров.

Зима была холодной и снежной, продуктов не было, завозили плохо, да и нечего было завозить. Питались мерзлым картофелем, также нам выдавали по 100 грамм ржаного хлеба пополам с землей на одного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.